

Хроника научной жизни

Международная конференция «Советская многонациональная литература как имперская практика»

(Дрезденский университет, Венецианский университет Ка-Фоскари,
24–25 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_402

Конференция «Советская многонациональная литература как имперская практика», организованная совместными силами Института славистики Дрезденского университета и Кафедры лингвистики и сравнительного изучения культур Венецианского университета Ка-Фоскари, стала еще одной в череде научных событий, посвященных проблемам изучения советского культурного производства. Ей предшествовали три другие международные конференции — «“Многонациональная советская литература”: идеология и культурное наследие»¹ (НИУ ВШЭ, 24–25 мая 2019 года), «Эстетика коммунизма: Теории и институции»² (ИМЛИ РАН, Венецианский университет, 1–3 октября 2021 года) и «От Оргкомитета Союза советских писателей к I Всесоюзному съезду советских писателей: Организационные стратегии, источники финансирования, эстетические теории, художественные практики (1920–1950-е годы)» (ИМЛИ РАН, 16–17 октября 2024 года). Растворенное внимание к институциональной и культурной истории «государственной словесности»³, с одной стороны, маркирует очередной этап в складывании международного

-
- 1 См.: Козицкая Ю.М. Международная конференция «“Многонациональная советская литература”: идеология и культурное наследие» (НИУ ВШЭ, Москва, 24–25 мая 2019) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 434–439.
 - 2 См.: Попова В.Ю. Эстетика коммунизма: Современные прочтения. [Обзор на:] Международная научная конференция «Эстетика коммунизма: Теории и институции» // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 412–425. По итогам конференции в Отделе рукописей ИМЛИ РАН был подготовлен очередной выпускserialного научного издания «Codex Manuscriptus» (см.: Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5: Эстетика коммунизма: Теории и литературные практики / гл. ред. Д.С. Московская, отв. ред. Р.Е. Клементьев).
 - 3 О внимании исследователей к различным организационным аспектам советского литературного производства свидетельствует, например, появившийся в № 6 (190) журнала «Новое литературное обозрение» за 2024 год блок статей «На пути к “государственной” словесности: Институты и практики» (сост. Д.М. Цыганов).

сообщества специалистов, чья деятельность преодолевает инерцию пресловутой «советологии» — продукта холодной войны, — но, с другой стороны, фокусирует внимание интеллектуального сообщества на инструментальной недостаточности рамок, категорий, критериев и принципов, при помощи которых принято описывать культурную жизнь «закрытых» обществ со сложно устроеннымами внешними и внутренними границами.

Непублицистический нарратив о «многонациональной советской литературе» начал конструироваться еще конце 1940-х годов, когда постепенно стали осуществляться замыслы по созданию академических историй литератур. Объемной серией «Очерков»⁴ открылся путь к появлению многотомных изданий⁵, центральное место в которых закономерно занимала «русская советская литература». Такая диспропорция определялась представлением об эстетической неравнозначности составных компонентов социалистического литературного проекта, которое брало истоки еще в дискуссиях 1920-х годов. По мысли пролеткистиков, далеко не каждая национальная культура располагала своими «классиками», пригодными для исполнения функции литературного «образца»; ср.: «Старая литература узбеков (как и некоторых других народов Востока) является литературой баев, мулл и т. д. Она насквозь пропитана духом боевого исламизма и национальной нетерпимости. Таким образом, этих «классиков» использовать почти невозможно. Вот почему, между прочим, мы видим, как медленно, с трудом создаются организации пролетарских и крестьянских писателей в ряде стран советского Востока»⁶; «В условиях господства российского империализма в Казахстане в прошлом не могло создаться не только классической литературы, <...> но и светской литературы в полном смысле этого слова. В прошлом мы имели три категории литературы: устной (народной), религиозной и зачатки советско-националистической. <...> До революции у нас не было классической литературы. Классическая литература начала создаваться лишь после Октябрьской революции»⁷. Из этого якобы следовало, что «русская классика» теряла номинально присущий ей идентитарный характер и станов-

4 См., например: Очерк истории белорусской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Очерк истории украинской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Очерк истории русской советской литературы: [В 2 ч.]. М.: Изд-во АН СССР, 1954—1955; Очерк истории литовской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Очерк истории таджикской советской литературы. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1955; Очерк истории якутской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Очерк истории мордовской советской литературы. Саранск: [б. и.] 1956; Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956; Очерк истории латышской советской литературы. Рига: Латгосиздат, 1957; Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957; Очерк истории казахской советской литературы. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1958; Очерк истории казахской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Очерки истории киргизской советской литературы. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961; Очерк истории азербайджанской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Очерк истории молдавской советской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969.

5 См., например: История советской многонациональной литературы: В 6 т. М.: Наука, 1970—1971.

6 Селивановский А. За единство национальных отрядов пролетарской литературы // На литературном посту. 1928. № 5. С. 35. Примечательно, что при помощи не характерных для такого контекста кавычек «классичность» в приведенном фрагменте поставлена под сомнение.

7 Байдильдин А. Казакская литература в «Литературной энциклопедии» // На литературном посту. 1929. № 14. С. 70.

вилась общим «наследством» — основанием, на котором будет возведена «советская многонациональная литература». (Это, в свою очередь, не оставляло республиканским авторам возможности творческого выбора — подражать следовало тем писателям, которые оказались в рамках «классического» канона, потому как такое подражание было единственным надежным способом преодолеть замкнутость национальной литературной традиции и проникнуть в пространство «социалистического» искусства.) Однако речь скорее должна идти как раз о реализации национально-специфической колониальной идеологии, заключенной в «классике» как в одной из наиболее стабильных категорий культуры. Подтверждение этой мысли прочитывается в тревожных словах В. А. Сутырина, прозвучавших с трибуны Первого Всесоюзного съезда пролетарских писателей на вечернем заседании 4 мая 1928 года:

<...> Советский Союз построен на руинах того самого государства, той самой царской империи, которая во-первых об⁸единила в себе, об⁸единила конечно по велико-державски, об⁸единила при помощи великодержавного угнетения огромное количество национальностей и этот факт — много-национальность нашего Советского Союза плюс остатки старого великодержавнического наследия, они создают величайшую важность решения национальной проблемы для пролетарской литературы Советского Союза. <...> На деле у нас происходит следующее: во-первых у нас установилась такая терминология, — говорят: русская и национальная литература, русское и национальное искусство, национальная живопись, национальный театр. <...> Раз получается такое дело, что есть русская и национальная культура, раз получается иллюзия, что русская литература не имеет оболочки, то очень часто русский писатель чувствует себя сверх-националом <...>. Эта вещь вредная и неправильная, которая влечет за собой великодержавное отношение к литературе ранее угнетавшихся национальностей⁸.

Очевидная потребность в ревизии этого не преодоленного до сегодняшнего дня риторического наследия раннесталинской эпохи стала поводом к детальному разговору о «путях и тупиках» этой темы, получившей совершенно особое звучание в несколько последних лет.

В то же самое время конференция оказалась вполне конкретный полемический контекст, сформированный в последние несколько десятилетий целой серией исследований, среди которых: «Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923—1939» (2001; на рус. яз. — 2011) Терри Мартина, сборник «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина» (2001; на рус. яз. — 2011) под редакцией Рональда Суни и Терри Мартина, «Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931—1956» (2002; на рус. яз. — 2009; 2017) Дэвида Бранденбергера, «Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза» (2005; на рус. яз. — 2022) Франисса Хирша, «Создание Узбекистана: Нация, империя и революция в раннесоветский период» (2015; на рус. яз. — 2022) Адиба Халида и др. Методологическая перспектива состоявшейся конференции выстраивалась на пересечении нескольких направлений современного гуманитарного знания — культурной истории (cultural history), институциональной истории (historical institutionalism), интеллектуальной истории (intellectual history), постколониальных исследований (postcolonial studies) и так

8 Доклад В.А. Сутырина по национальному вопросу на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей, 4 мая 1928 года // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 7—9.

называемых «имперских исследований» (*imperial studies*). Стремление к продуктивному синтезу подходов в совокупности с широким хронологическим спектром весьма разнородного материала, рассмотренного в докладах, не только обнаружили пути к дальнейшим «разысканиям» в области «археологии советского», но и, как кажется, куда важнее, указали на те сегменты «советского», которые до сих пор не поддаются «вненаходимому» рассмотрению и силой собственной идеологической специфичности снижают уровень научной дискуссии. Всем этим и было очерчено проблемное поле конференции, «межеванием» которого на протяжении двух дней занимались докладчики.

Во вступительном слове организаторы конференции *Евгений Добренко* (Венецианский университет Ка-Фоскари, Италия) и *Клавдия Смоля* (Дрезденский технический университет, Германия) обратили внимание собравшихся на не вполне очевидную сложность по-прежнему стоящих перед специалистами вопросов: получившее обоснование в специальных работах представление о проекте советской многонациональной литературы попросту не вмещает того многообразия открывшихся в последние годы фактов, которое коренным образом меняет представление об организации культурного производства в СССР. Расширение исследовательского поля⁹ и активное включение в него национально-специфического материала, ранее рассматривавшегося как итог всевозможных эстетических девиаций «советского», проблематизирует понятие культурной границы и ведет к ревизии утвердившихся подходов к советской литературе и — шире — культуре как к сверхцентрализованной целостности снятой определенными центром и периферией. Дело в том, что вечно ускользающая, подвижная картина интеллектуальной жизни в разные периоды существования СССР не может быть определена и описана лишь через какой-либо один пусть и безусловно доминировавший на каком-то временном отрезке параметр — будь то разветвленная институциональная система, многонациональный эстетический канон, мультикультурный трансфер, синхронное и диахронное взаимодействие культурных «традиций» и прочее. Уйдя от деформирующего влияния метода и избрав предельно широкую имперскую рамку¹⁰, ор-

- 9 Подробнее см.: *Гюнтер Х.* Пути и типики изучения искусства и литературы сталинской эпохи // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 287—299; *Янковская Г.А.* Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2007. № 3 (8). С. 128—136; *Добренко Е.А.* 1) О советских сюжетах в западной славистике // СССР: Жизнь после смерти: Сб. статей. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 27—34; 2) Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Boston: Academic Studies Press, 2018. Р. 3—17; 3) Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 104—124; *Цыганов Д.М.* Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 1. С. 107—126.
- 10 Примечателен тот ощущимый скачок, который произошел в осмыслении советской многонациональной литературы в контексте имперских практик за несколько последних лет. Еще несколько лет назад исследователи писали лишь об «имперских импликациях» (ср.: *Франк С.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 230—247), избегая резких и столь однозначных оценок в деле определения характера сталинского литературного проекта, или, если и применяли имперскую рамку к советскому материалу, то старались не делать акцент на сугубо политических аналогиях (ср.: *Скалов Н.* Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 104—123). См. также: *Zaslavsky V.* Collapse of Empire — Causes: Soviet Union // *Barkey K., Hagen M. von (Eds.)*. After Empire.

ганизаторы подчеркнули свое стремление привнести в разговор о советской литературе искому тематическую многоаспектность, которая не дезориентирует профессиональное сообщество, но, напротив, обнаружит продуктивные направления последующих исследований. Секционное деление, по мысли организаторов, как раз и должно было наметить «силовые линии», становящиеся ориентирами для разнонаправленных потоков интеллектуальной энергии.

Работа первой секции была посвящена институциональным рамкам, при помощи которых проект советской многонациональной литературы вписывался в советскую административно-политическую систему и, задействуя вполне конкретные организационные механизмы, обеспечивал себе относительно стабильное существование на протяжении нескольких десятилетий. Секцию открыл доклад Юлии Козицкой (Назарбаев Университет, Астана, Казахстан) «*Казахская литература для советских читателей: Казахские авторы на страницах московских журналов*». В центре внимания докладчицы — процесс формирования канона казахской советской литературы как составной части проекта многонациональной литературы посредством публикации переводов с казахского языка в московском журнале «Новый мир» в 1930-е годы¹¹. Выбранные для публикации тексты создавали у советского читателя определенное представление не только о казахской литературе, но и о «советском проекте» в Казахстане¹² в целом. Очевидно, что они в первую очередь должны были свидетельствовать о поддержке казахскими авторами советского режима. Особый интерес для Козицкой представляет процесс отбора текстов казахских писателей для печати; она отмечает, что переводы с казахского начали появляться в московской прессе лишь в 1930-е годы, и изначально число их было незначительным. Пик интереса пришелся на 1930-е и был вызван не столько Первым Всесоюзным съездом советских писателей, проходившим с 17 августа по 1 сентября 1934 года, сколько состоявшейся в Москве во второй половине мая 1936 года Декадой казахской литературы и искусства. Примечательно, что публикации переводов с казахского языка почти всегда предшествовали заявления казахских писателей о том, что московские журналы предъявляют к авторам из советских республик большие требования и не хотят принимать активное участие в подготовке текста к печати, требуя присыпать в редакцию уже полностью подготовленный к печати литературный перевод. При этом ряд казахских писателей (в их числе — И. Джансугуров, С.М. Муканов, С.С. Сейфуллин) были заинтересованы в публикации своих текстов в московских журналах, поскольку появление переводов в центральной прессе способствовало укреплению их статуса на родине. Козицкой представляется важным, что публикация переводов была мотивирована не только литературными, но и политико-идеологическими процессами, происходо-

Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Boulder: Westview Press, 1997. P. 73—98; Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 163—196; Кашу И. Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинева // Неприкосновенный запас. № 4 (78). С. 123—134.

11 Доклад Козицкой концептуально развил положения, намеченные в ее диссертации 2021 года; см.: Козицкая Ю.М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.] 2021.

12 См.: Kudaibergenova D. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2017; Аманжолова Д. Советский проект в Казахстане: Власть и этничность, 1920—1930-е гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019.

дившими в СССР. Существенную роль в процессе отбора текстов для публикации играли знакомства казахских писателей с писателями и редакторами в Москве и налаженные связи в издательствах. Московские журналы, в свою очередь, также были настроены на сотрудничество, поскольку не должны были ограничиваться лишь текстами писателей из РСФСР. Таким образом, процесс появления текстов казахских авторов в московских журналах является примером сложной системы взаимоотношений центра и периферии. С одной стороны, очевидно зависимое положение так называемых национальных писателей, которые были встроены в легко реконструируемую иерархию, существовавшую в советской многонациональной литературе. С другой же стороны, и активная позиция казахских писателей, и активность центральных журналов выходят за рамки типичных колониальных отношений между советским имперским центром и советскими республиками. В finale доклада Козицкая еще раз указала на то, что история публикации в прессе переводных текстов, созданных казахскими писателями, отражает процессы, происходившие не только в литературной жизни отдельной советской республики, но и в советской литературе в целом.

Тема «присутствия» инокультурных текстов в культурном поле советского центра получила развитие в докладе Аллы Бурцевой (РГГУ, Россия) «*Мы приехали не ради простого любопытства: Писательские бригады и проект альманаха в Туркменистане 1930-х годов*». Докладчица сфокусировала внимание на оформлении новой советской туркменской литературы¹³ посредством деятельности писательских бригад и вышедших по результатам поездок в 1930-е годы альманахов. Сам проект включал в себя два различных направления — литература Туркменистана и литература о Туркменистане. Бурцева рассмотрела два альманаха — «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), которые стали результатом сотрудничества, а также чисто туркменский альманах «Солнечный Туркменистан» (он был издан в Ашхабаде в 1939 году и закономерно не мог занять того же места в литературном поле, что и альманахи, издававшиеся в Москве; однако он может считаться результатом локальной реализации проекта 1930-х годов в Туркменистане). В альманахи вошли и тексты русскоязычных писателей, и переводы с туркменского (в основном поэзии советского периода, но также и прозы, фольклора и произведений досоветских авторов). По словам Бурцевой, внимательное рассмотрение содержания альманахов, а также сопутствующих архивных материалов может открыть совсем иной взгляд на формирование советской многонациональной литературы, или, иначе говоря, «литературы советской периферии». Работа же писательских бригад, которым пришлось сотрудничать с туркменскими писателями, должна рассматриваться как составная часть этого проекта. Дело в том, что процесс поиска новой (как туркменской, так и советской) национальной идентичности,

¹³ Бурцева последовательно развивает это направление исследований, о чем свидетельствуют ее публикации последних лет; см., например: Бурцева А.О. 1) Познание «изнутри» и «снаружи»: Литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс. М.: Буки Веди, 2020. С. 160—175; 2) Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: Предварительные наблюдения // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3—4. С. 125—148; 3) Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: От колониального гнета к сталинскому раю // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 303—317; 4) Писательская бригада в Туркменистане 1930-х годов: От путешествия к производству литературы // Новое литературное обозрение. 2024. № 6 (190). С. 152—164. См. также: Бурцева А.О. Проект советской национальной литературы в 1930-е годы (на материале туркменских альманахов): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.] 2023.

предполагавший неизбежное взаимовлияние¹⁴, отразился в примерах репрезентации Туркменистана в текстах русскоязычных писателей (а также переведенных с языков других советских республик). Все это привело к тому, что две модели — социалистического реализма и туркменской поэзии — образовывали сложные взаимонаправленные отношения, потому как туркменским писателям пришлось примирить в своей творческой практике советскую литературную идентичность с «традиционными» формами, а отчасти и с сюжетными моделями. Русскоязычным писателям, в свою очередь, пришлось показать, что они приехали не столько «учить», сколько сотрудничать с туркменскими авторами.

Заключительный в этой секции доклад Дмитрия Цыганова (ИМЛИ РАН, Россия) «Сталинская премия по литературе и производство локальных художественных идентичностей в советских республиках» хотя и продолжил поиски автора в области институциональной истории сталинской культуры¹⁵, но в отношении анализируемого материала вышел за пределы ранее освоенного. Цыганов рассматривает институт Сталинской премии по литературе как один из главных механизмов реализации национально ориентированной культурной политики в период 1940-х — начала 1950-х годов. Важным аспектом этой темы стал вопрос о степени институализированного влияния центра на процесс складывания локальных художественных идентичностей на «периферийных» территориях Советского Союза. Доклад был посвящен теоретическому осмыслиению неоднозначной проблемы экспансивности «основного метода» по отношению к национальным художественным традициям¹⁶. С точки зрения докладчика, насаждение социалистического реализма в советских республиках приводило к неизбежной деформации «эстетической доктрины», вследствие чего появлялись ее многочисленные локальные варианты. «Национальная форма» и «социалистическое содержание» в них смешивались, а порой выступали как взаимозаменяемые элементы. Цыганов поставил под сомнение правомерность рассуждений об одностороннем влиянии, «эстетическом диктате» как о главных способах реализации национально ориентированной культурной политики. По мысли докладчика, речь скорее должна идти о взаимодействии соцреалистической (то есть идущей из центра) и локальных (то есть сформированных на периферии) творческих практик, а также о характере присутствия в якобы гомогенном и целостном соцреалистическом каноне национально специфических произведений — не только литературных текстов, унифицированных силами переводчиков, но и, на-

14 Подробнее см.: *Edgar A.L. Tribal Nation: The making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton University Press, 2006; *Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021.

15 См., например: Цыганов Д.М. 1) Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х гг.: Институциональный контекст формирования соцреалистического канона // Летняя школа по русской литературе. 2021. № 3—4. С. 347—370; 2) Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // *Rossica. Литературные связи и контакты*. 2022. № 2. С. 191—268; 3) Сталинская премия по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма: Библиографический обзор // *Текстология и историко-литературный процесс*. М.: Common place, 2022. Вып. 9. С. 168—186; 4) Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2023; 5) Сталинская премия по литературе: Институциональное измерение эстетики социалистического реализма (1940—1950-е годы) // eSamizdat. 2024. Vol. XVII. P. 45—64.

16 Подробнее см.: *Frank S. «Critical Appropriation of Literary Heritage» and the Shaping of Soviet National Literatures: A Close Reading of the Debate in the Journal *Literaturnyi kritik* (The Literary Critic, 1933—36)* // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. № 4. P. 891—913.

пример, произведений изобразительного искусства. В свете тезиса о подобном взаимодействии докладчик рассматривает стремление Сталина к подавлению «национального возрождения» в советских республиках, которое интерпретировалось пропагандой как «националистический бунт». По мысли Цыганова, именно этот процесс определил не только противоречивое отношение членов Комитета по Сталинским премиям к национально-специфическому материалу (например, к романам С.М. Муканова и К.С. Гамсахурдия, М.О. Аузэзова и В.Т. Лаписа, стихам М.П. Бажана и В.Н. Сосюры, Якуба Коласа и Янки Купалы, пьесам А.М. Якобсона и И.О. Мосашвили, А.Е. Корнейчука и Самеда Вургана и т.д.), но и риторические модели, характерные для эстетических суждений об образах «чужих» (и нередко «чуждых») «культурных традиций». В свете детального рассмотрения архивных материалов Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2073; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а), фондов различных подведомственных аппаратур ЦК организаций и административных органов, опубликованных воспоминаний, дневниковых/мемуарных свидетельств и прессы сконструированная учеными «колониальная» рамка¹⁷ соцреалистической экспансии, отводящая союзным республикам роль «жертвы» эстетического подавления, подверглась критическому осмыслению.

Три доклада второй секции стремились выявить пределы аналитической применимости к советскому интеллектуальному и творческому «наследию» различных концептуальных рамок. Доклад Евгения Добренко (Венецианский университет Ка-Фоскари, Италия) «Тропология братства: Поэтика сталинского имперского воображения и гомогенизация советского пространства», ставший логическим развитием ранее сформулированных идей¹⁸, послужил методологическим «манифестом» и, если угодно, отраиванием темы конференции. В докладе на XXIX Баных чтениях в апреле 2023 года исследователь признавался:

Много лет я работаю над книгой «Империя слов: Советская многонациональная литература и имперское воображаемое». Проект этот изначально возник как сугубо историко-литературный. Мне хотелось понять, как сформировался и работал этот уникальный продукт имперского культурного строительства. Хотя число работ о национальных литературах в советскую эпоху растет с каждым днем, почти все они строятся в жанре, который я называю национальным плачем: это история расцвета после революции и гибели национальных литератур в сталинскую эпоху¹⁹.

И далее заключал:

Советская многонациональная литература изначально была вполне имперским проектом. Однако институционально, идеологически и эстетически она произвела не- и даже антиимперское пространство. Оно складывалось на протяжении всей советской истории в качестве непредвиденного побочного продукта, но оказалась едва ли не единственной доступной площадкой и основным источником для формирования национального сознания на имперских окраинах СССР. Причем речь идет не о национальных, но именно о «всесоюзных» площадках.

-
- 17 Подробнее см.: Абашин С. Советское = колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 28–48.
- 18 См.: Добренко Е.А. «“Чувство семьи единой”: Риторика братства и советское имперское воображаемое в поэзии народов СССР сталинской эпохи» // Доклад на конференции «“Многонациональная советская литература”: Идеология и культурное наследие». Москва. НИУ ВШЭ, 24 мая 2019 года.
- 19 Цит. по: Добренко Е.А. Советская многонациональная литература как имперский проект и как вызов империи // Новое литературное обозрение. 2024. № 4 (188). С. 245.

<...> Советская литература была не «национальной по форме», но этнической. В строгом смысле она была не многонациональной, но многоэтнической. Ее задача была в том, чтобы *не позволить этносу стать нацией. Движение к имперскому универсализму предполагает этнический партикуляризм* в виде поддержки этнических стилей, традиций, фольклора, различных форм «национальной культуры» и т.п. Иными словами, эта империя сама порождает неимперское пространство²⁰.

Прозвучавший в Дрездене теоретический по толку доклад Добренко во многом уточнил выводы предшествовавших исследований²¹, но концептуально остался в ранее намеченных рамках. Ключевой тезис этого доклада состоял в том, что силами партфункционеров от литературы и посредством всевозможных организационных ресурсов создавалось гомогенное эстетическое пространство, в котором частные национально специфические различия культурных «традиций» попросту переставали восприниматься как релевантные в контексте социалистической (и соцреалистической) «гегемонии братства». С точки зрения докладчика, главной движущей силой многонационального литературного проекта как одного из ведущих компонентов создания единой советской нации была именно партийная номенклатура, стремившаяся к имперской (антинационалистской, а значит, интернационалистской) модели организации литературы. Таким обзором, по мысли Добренко, организационные структуры литературного производства становились продуктом имперской инженерии, а дискурс РАППа о литературе с его псевдо-классовой партийной риторикой и препрессивной критикой успешно распространялся на все культурное пространство многонациональной страны. Позднее созданные рапповцами институциональные практики и опыт «консолидации» национальных литератур перешли в Союз советских писателей. Сложившаяся институциональная система, подкрепленная серьезным управленческим ресурсом, становилась как бы «общим знаменателем» для всех национальных литератур, насиливо втянутых не столько в производственные отношения, сколько в само «бытие» советского литературного проекта, определявшее «сознание» его устроителей и участников. Доклад Добренко, поставивший под сомнение характерные для постколониального поворота тезисы о культурной самодостаточности периферии и ее способности влиять на центр²², о существовании локальных вариантов социалистического реализма, спровоцировал дискуссию среди участников, определившую тон последующих докладов.

- 20 Цит. по: Там же. С. 246, 248. Заметим, что за несколько лет до Добренко об этническом партикуляризме писал Н. Скаков в вышеупомянутой статье «Культура Полтора»; см.: «Концепция дружбы народов — дружбы, чьей окончательной целью было достижение однородности, создание единой нации, единого советского народа, — отличалась амбивалентностью. Следуя указанной установке на единобразие, культурные агенты советской империи путем партикуляризации старались унифицировать жизнь восточных республик» (Скаков Н. Культура Полтора. С. 108).
- 21 Помимо процитированной выше статьи стоит упомянуть и несколько более объемных текстов; см., например: Добренко Е.А. 1) Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 236—262; 2) Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922—1932 // Slavic Review. 2023. Vol. 81. № 4. P. 869—890; 3) Гегемония братства: Рождение советской многонациональной литературы, 1922—1932 // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 15—128
- 22 Подробнее об этих тезисах см.: Толстанова М. 1) Постколониальный удел и деколониальный выбор: Постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161) С. 66—84; 2) Деколониальность бытия, знания и ощущения: Сб. статей. Алматы: Центр современной культуры «Целинный», 2020. С. 88—108; 110—126.

Доклад Ульяны Вериной (Ольденбургский университет, Германия) «*Призрак возрождения: Белорусская литература на пути к “многонациональной советской литературе”*», хотя и был построен на анализе конкретного национального материала, все же имел и довольно выраженную концептуальную установку, вступившую в противоречие с ранее озвученными тезисами Добренко. Верина, опираясь на работы о «национальном возрождении» 1920-х — начала 1930-х годов²³, связывает это явление с политикой коренизации и установлением территориальных границ суверенных республик. Границы Беларуси включали исторически транснациональные территории, а с 1922 по 1936 год в республике было четыре государственных (!) языка — белорусский, идиш, польский и русский. Политика коренизации подразумевала равноправное развитие всех национальностей, но «белорусизация» последовательно проводилась как «политика большинства». Это создавало иллюзию автономии и определяло процесс как «возрожденческий», соответствующий нациестроительству. Разницу между контролируемым национальным «возрождением» и реальным этапом развития, которого достигла белорусская литература к середине 1920-х годов, демонстрирует программа и творческая практика объединения «Узышиша» (в переводе на русский — подъем, 1926—1931). Объединение это провозгласило приоритет эстетического совершенства и сформулировало принцип «адраджанизма» («возрожденчества»), подразумевавший ориентацию на традиции, уже сложившиеся со времени национального возрождения, которое произошло в белорусской культуре на рубеже XIX—XX веков. Такая позиция подверглась резкой критике, так как она противоречила концепции национально-государственного строительства, осуществлявшейся советской властью «с нуля», а также выходила за рамки национальной литературы на этапе ее становления. Осужденный докладчицей анализ литературно-критических материалов и архивных документов из фондов НАРБ (Ф. 4 (Коммунистическая партия Белоруссии)) и Белорусского государственного музея-архива литературы и искусства (Ф. 225 (Всебелорусское объединение поэтов и писателей Маладняк)) хронологически охватывает изменение институциональных взаимоотношений литературных объединений от национальных секций в рамках объединения пролетарских писателей Маладняк до Союза советских писателей, включая краткий эпизод проекта Всебелорусского объединения писателей (1926), ставившего своей целью объединение всех литературных групп. В докладе концепция возрождения рассматривается Вериной как способ мононационализации белорусской литературы для последующего ее включения в «многонациональную советскую литературу» как исключительно белорусскоязычной²⁴.

Завершил секцию Илья Кукулин (Стэнфордский университет, США), выступивший с докладом «*Ориентализм как модернизм: Ориентальная стилизация в советской культуре*». По словам Кукулина, прозвучавший доклад развил концепцию, впервые представленную им в 2021—2022 годах²⁵. Так как социалистический реализм был основан на «вытеснении» следов модернизма в культурах советских народов, целый ряд писателей, художников и кинематографистов изобрели способ маскировать и одновременно оправдывать обращение к модернистским

23 См., например: Hrym H. The Executed Renaissance Paradigm Revisited // Harvard Ukrainian Studies. 2004—2005. Vol. 27. № 1—4. P. 67—96.

24 Подробнее см.: Veryna U. Russian-language Writers in the Transnational Literary Space of Belarus in the 1920s — early 1930s: Paradoxes and the Inevitability of the Collective Project’s Failure // Studia Białorusienistyczne. 2023. Vol. 17. P. 139—158.

25 Ср.: Кукулин И.В. Orientalism as modernism: Oriental stylization in Soviet culture (1930—60s). Доклад на конференции: The Soviet Project of World Literature and its Legacies, Berlin, Leibniz-Zentrum für Literatur- und Kulturforschung, 9—11 декабря 2021 г.;

традициям в искусстве. Такими способами оправдания были ориентализм (состоящий из самоэкзотизации художников «республик Востока» и внешней экзотизации в произведениях «из восточной жизни», созданных авторами имперского центра), обращение к древней истории и к эстетике волшебной сказки. В центре внимания Кукулина оказался роман М.Д. Симашко «Маздак» (1968) и фильм Б.В. Рыцарева «Волшебная лампа Алладина» (1966). Основную часть доклада занял анализ художественных стратегий, использованных в творчестве двух известных армянских художниц советского времени — Мариам Асламазян (1907—2006) и Ерануи Асламазян (1909—1998). Обе они были ученицами российских художников-модернистов, но придавали собственным произведениям стилизованный «восточный колорит», который и оправдывал в глазах цензуры и критиков черты модернистского стиля — орнаментальность, мифологическую образность, использование чистых цветов и пр. Кукулин показал, что произведения Мариам Асламазян 1950—1970-х годов, изображающие реалии деколонизированных стран Азии и Африки, были встроены в сети отношений СССР с этими странами (и тем самым — в советские стратегии «мягкой силы»), что давало еще одну легитимацию модернистской эстетики: картины, которые можно было использовать для «культурной дипломатии», потенциально были обращены не только к советским, но и к иностранным зрителям — а для них модернистская эстетика была намного более привычной и понятной, чем в СССР. Вывод докладчика состоял в том, что вообще обращение к ориентализму в советской культуре могло быть использовано не только для «реабилитации» модернизма, но и для построения иносказательных нарративов и привел в качестве примера антиавторитарную дилюгию Л.В. Соловьева о Ходже Насреддине.

Проблематика третьей секции локализовалась в области многонационального канона, который являлся продуктом работы советской литературной индустрии сталинской эпохи. Галин Тиханов (Лондонский университет королевы Марии, Англия) посвятил свой доклад «*Начался ли Ренессанс на Кавказе, или Как мыслить литературную историю глобально?*» анализу одного сюжета из широкой дискуссии о «предыстории» проекта советской многонациональной литературы, а именно — полемике вокруг пригодности Ренессанса как обозначения, которое потенциально может служить для интерпретации определенных периодов литературной и культурной истории за пределами Запада. Целью доклада стала реконструкция логики аргументов в пользу «Восточного Ренессанса» и проверка их актуальности для сегодняшних нужд деколонизации изучения «мировой» литературы²⁶. Отправной точкой рассуждений Тиханова о глобальном Ренессансе стал сборник статей советского востоковеда, академика АН СССР Н.И. Конрада «Запад и Восток» (1966; 2-е издание, исправленное и дополненное — 1972), в котором была напечатана статья «Об эпохе Возрождения». Важным положением концепции Конрада Тиханов видит утверждение о том, что Ренессанс начался не в Италии, а в Китае в VIII веке н. э., в так называемом движении «фугу» — движении «за возврат к древности». Пользуясь

Воскрешение советского «нацмодернизма» 1920—30-х годов в современных гуманитарных исследованиях: Историографические заметки. Доклад на конференции к 100-летию подписания договора об образовании СССР. Университет Лозанны, 22—24 ноября 2022 г. См. также: Кукулин И.В. Русская литература во главе «младших братьев». (Эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 414—429.

26 Подробнее см.: Tihanov G. World Literature in the Soviet Union: Infrastructure and Ideological Horizons // World Literature in the Soviet Union / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury, R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. P. 1—23.

наработками Конрада, Тиханов восстанавливает более широкий контекст теории «Восточного Ренессанса», разработанной в 1940—1960-х годах в Грузии и Армении; он также адресуется к работам Ш.П. Нуцубидзе «Руставели и Восточный Ренессанс» (1947) и В.К. Чалояна «Армянский Ренессанс» (1963), также упомянутым в работе Конрада. По словам Тиханова, важным контекстуальным фактором для теоретического обоснования этой концепции служила сталинская национальная политика в начальный период холодной войны, когда перед советским партийным руководством стояла задача снизить культурный авторитет Запада и перенести идеологический «центр тяжести» на «дружественный» Восток.

Если Тиханова волновала «предыстория» советского литературного проекта, то Клавдия Смоля (Дрезденский университет, Германия) в докладе «*Писатели как политики: Многонациональная советская литература в перестройку и 1990-е*» сосредоточилась на анализе ситуации, сложившейся после распада многонационального канона. Почти полная ликвидация институциональной системы литературного производства в перестройку и ее окончательный крах в 1990-е годы повлекли приобщение многих писателей из бывших республик как к реализации государственной национальной политики, так и к управлению делами национальностей на местах. В докладе Смоля остановилась на разборе нескольких подобных случаев. Так, в октябре 1986 года киргизский писатель Ч. Т. Айтматов основал Иссык-Кульский форум, который объединил интеллектуалов из государств «советского блока» и представителей стран Запада для обсуждения основных глобальных проблем. (С 1990 года Айтматов возглавлял советское, а затем российское посольство в Люксембурге.) Другим примером стало участие ненецкого писателя В.Н. Ледкова в конференции писателей коренных народов под эгидой ЮНЕСКО в 1985 году и в конференции писателей уральских языков в Финляндии в 1992 году; позже он посетил Скандинавию с целью рассказать о нависшей над ненецкой культурой угрозе. В те же годы белорусский писатель В.В. Быков был избран народным депутатом СССР и вошел в Межрегиональную депутатскую группу, а хантыйский писатель Е.Д. Айпин стал членом Совета народных депутатов, а затем представлял администрацию президента Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе в 1992—1994 годах; он также выступал за сохранение культуры народов Югры. На основе этих примеров Смоля заключила, что с 1985 года бывшие советские писатели начали выстраивать диалог между социалистической и западной версиями глобальности уже в ином качестве — как представители периферийных этнических групп, борющиеся за сохранение коренных культур, экологического этоса и гражданских прав. Национальные же литературы стали важным средством политического активизма, с помощью которого происходила адаптации к новой реальности. В докладе было показано, как (пост)советские национальные писатели пытались примирить советскую идеологию деколонизации с глобальными и западными деколониальными и постколониальными нарративами. Смоля утверждает, что, хотя вмешательство писателей в политику коррелировало с глобальными культурными движениями, все же они действовали в духе советской культурной идеологии, а активизм «снизу» можно расценивать как часть советской транснациональной современности. Дело в том, что многие из организованных ими «низовых» инициатив возникли из идеологии и этики многонациональной советской литературы, являвшейся и наследием социалистической империи, и продолжением традиций локальных литературных институтов в СССР. В этой деятельности, начатой советскими национальными писателями во время перестройки, Смоля усматривает симптомы культурной и политической гибридизации, а также образовавшейся неопределенности по окончании холодной войны. Более того, перестройка стала временем формирования альтернативной глобальности без принятия

тия полноценных «западных» демократических ценностей, что во многих случаях привело к появлению различных культурных идеологий современной эпохи.

Финальным в этой секции стал доклад Эрин Хатчинсон (Университет Колорадо в Боулдер, США) «*О чем же мы говорим, говоря о Сталине: Десталинизация в контексте многонациональной советской литературы*», речь в котором шла о переживании творческим сообществом процесса десталинизации — частичного отказа от былых управленческих практик и частичной же ревизии эстетических критериев многонационального канона²⁷. Хатчинсон отметила, что научная дискуссия о десталинизации на протяжении долгого времени концентрировалась на темах памяти о Большом терроре 1937—1938 годов и ГУЛАГе. Однако это были далеко не единственны темы, которые обсуждались в творческом сообществе и о которых писали после судьбоносного XX съезда КПСС. Опираясь на архивные стенограммы обсуждений «Секретного доклада» Никиты Хрущева, состоявшихся на партийных собраниях писателей в Москве, Ереване и Киеве, Хатчинсон стремится расширить устоявшийся взгляд на десталинизации не только тематически, но и географически. Как было показано в докладе, XX съезд партии положил начало всесторонней критике сталинского режима: звучавшие в «оттепельные» годы претензии выходили далеко за рамки критики пресловутого «культа личности». Так, на партийных собраниях писатели обсуждали ухудшение состояния окружающей среды (Армения), антисемитскую дискриминацию (Москва) и голод 1933 года (Украина). Общей же чертой дискуссий, ознаменованных XX съездом, стала полемика по поводу идеологических кампаний эпохи Жданова — поздний сталинизм занимал в дискуссиях середины 1950-х такое же важное место, как «чистки» конца 1930-х. Таким образом, доклад Хатчинсон вскрыл те механизмы культурной инженерии, которые, с одной стороны, определили моторику многонационального литературного проекта и, с другой стороны, запустили процесс перестройки многонационального же канона, вскоре распавшегося на относительно самостоятельные литературные «традиции».

Именно этим «традициям» и многочисленным версиям советской литературной истории была посвящена заключительная секция конференции. Открыл ее доклад *Дали Саткауските* (Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс, Литва) «*Литовская версия социалистического реализма: Навязанная доктрина и встроенная традиция*», ставший развитием темы «экспорта» соцреализма в культуры стран Восточного блока²⁸. По мнению Саткауските, процесс внедрения социалистического реализма в литовскую литературу, которая стала частью советского многонационального проекта после советской оккупации в 1940 году, напрямую не следовал общей схеме воспроизведения русской модели, несмотря на то что создание локального варианта соцреализма напрямую регулировалось местным руководством компартии. Происходило не только перенесение «готовых» со-

²⁷ Отметим, что в зачаточном виде эта тема присутствовала уже в: Hutchinson E. The Cultural Politics of the Nation in the Soviet Union After Stalin, 1953—1991: PhD diss. Harvard University, 2020.

²⁸ О насаждении соцреализма в национальных культурах республик СССР и стран «Восточного блока» см., например: Хархун В.П. Соцреалистичний канон в українській літературі: генеза, розвиток, модифікації. Ніжин: Гідромакс, 2009; Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York: Anthem Press, 2018; Садовский Я. Литература — архитектура — тоталитарный канон: Случай Польши // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). С. 75—88. См. также: Пономарев Е.Р. Экспорт и реэкспорт соцреализма: Восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93—112.

циалистических сюжетных схем в инокультурное пространство, но и их трансформация, приспособление с целью оправдания оккупации и отвержения наследия независимой Литовской Республики. Саткауските показала, что в процессе фиктивного поиска национальных источников соцреализма и буквальной выработки «самого передового художественного метода» преодоление характерных для литовской литературной традиции ограничений оказалось попросту невозможным. Прозвучавший доклад ожидало возобновил полемику, начавшуюся еще в первый день конференции. Евгений Добренко, долгие годы развивающий концепцию гомогенности общесоветского многонационального культурного поля, не согласился с доводами Саткауските о существовании локальной литовской версии соцреализма и противопоставил им подход, который предполагает унифицирующий взгляд на характер соцреалистической экспансии. Развернувшаяся дискуссия еще раз подчеркнула теоретическую ограниченность тех объяснительных схем, которые скорее способствуют изолированному подходу к конкретному материалу, нежели открывают пути целокупного осмысления сложной, многослойной и разноуровневой культурной ситуации в СССР 1920—1950-х годов.

Тема локальных деформаций и мутаций советской эстетики получила развитие в докладе *Алессандро Акилли* (Университет Кальяри, Италия) «Междуд модернизмом и советизацией: Микола Бажан и Павло Тычина в 1920—1930-е годы». Украинская культура в начале — середине 1920-х годов смогла развить процветающую «модернистскую» литературу, которая отразила соприсутствие и продуктивный синтез множества стилистических черт — от неосимволизма до радикального авангардизма. Акилли, беря в учет общесоветскую тенденцию к редукции творческой инициативы, стремился разобраться в том, как она преломилась в области конкретной национальной культуры. В центре его внимания — литературные биографии П.Г. Тычины и М.П. Бажана, двух едва ли не главных авторов в украинской советской поэзии на протяжении длительного периода культурной истории СССР. В 1920-е Тычина приспособил символистскую поэтику к революционной теме и описанию «украинского возрождения» в соответствии с множеством стилевых подходов, в то время как Бажан сумел объединить авангардные жесты и модернистскую приверженность сложности с переоценкой «типичных» украинских стилей и тем. Соцреалистическая экспансия изменила тактику работы поэтов: им пришлось пересмотреть свои литературные установки и объединить внутреннее стремление к сложности с требовавшейся «плакатностью» и внятным запросом на «понятную литературу». Разбирая многочисленные примеры из текстов Бажана и Тычины, Акилли пришел к выводу о том, что в довоенные годы справедливо говорить о существовании гибридной эстетики в республиканских культурах, где насаждавшийся соцреализм еще не до конца уничтожил эстетическое наследие рубежа веков²⁹.

Честь закрыть конференцию выпала *Татьяне Островской* (Институт Гердера, Марбург, Германия), выступившей с докладом «От национального к социалистическому и обратно? Всесоюзный триумф белорусской военной прозы». Территория Беларуси и ее население, пожалуй, сильнее остальных пострадали во время войны, что, по словам докладчицы, определило характер развития белорусской советской литературы на последующие десятилетия. Еще в 1944 году писатель Кузьма Чорный в романе «Млечны Шлях» размышлял о мытарствах «белорусского человека среди своих европейских соседей». Чорный утверждал, что важно учитывать контекстуализированный, локальный опыт войны. Тем не менее с 1950-х до

29 Подробнее см.: Achilli A. Four Decades of Modernist Revolution: Creating a New Subjectivity in Ukrainian Poetry, 1900—1940 // Harvard Ukrainian Studies. 2021. Vol. 38. No. 1—2. P. 107—134.

середины 1960-х годов, когда появились первые романы В.В. Быкова, белорусская литература, казалось, обещала произвести значительный, меняющий общую парадигму вклад в область советской военной литературы. Отчасти так и произошло. Быков и его младший коллега Алесь Адамович окончательно преодолели локальную ограниченность и вышли на общесоюзную издательскую сцену только в конце 1960-х годов — безусловно, благодаря своим связям с влиятельными кругами партийной интеллигенции в Москве. Островская рассмотрела путь белорусской военной прозы к «триумфу» от позднего сталинизма до начала перестройки и ее успешной интеграции в общесоюзный многонациональный литературный канон; особое внимание при разборе частных примеров было уделено взаимодействию национальных и социалистических перспектив в советской белорусской военной литературе, их конкуренции и одновременному же взаимовлиянию. «Триумф» этот совпал с приходом П.М. Машерова к власти в качестве главы Белорусской коммунистической партии. Дело в том, что именно Машеров приложил много усилий для создания и тиражирования образа советской «Победы» и места Беларуси в ней, что, однако, не всегда было бесспорным в отношении к политике памяти эпохи Брежнева.

По итогам конференции было решено подготовить и издать сборник статей, куда войдут расширенные версии прочитанных докладов. Хочется надеяться, что состоявшаяся конференция откроет целую череду научных мероприятий, целью которых станет поиск способов создания подлинно научного нарратива о советской культурной жизни.

Дмитрий Цыганов

Экономические исследования приграничных территорий Северной Евразии:

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Международный семинар
**«Переосмысление пограничных капитализмов:
экономические практики и борьба за ресурсы
в (пост)имперской Сибири и Центральной Азии»**

(Свободный университет Берлина, 1–2 февраля 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_416

В последнее время экономическая история переживает заметный подъем благодаря интересу к глобальной истории незападных стран и регионов. Эти территории, часто находившиеся на периферии европейских континентальных и морских